

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИМЕНИ ЯКУБА КОЛАСА

На правах рукописи

УДК 808.26--23--55

+808.4--52

ЯКОВЛЕВ Сергей Михайлович

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОНИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СТАРОБЕЛОРУССКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ

Специальность 10.02.02 — Языки народов СССР

/белорусский язык/

10.02.03 -- Славянские языки

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Минск 1985

Работа выполнена в секторе истории белорусского языка
Института языкознания имени Якуба Коласа Академии наук БССР

Научный руководитель -- доктор филологических наук
профессор А.И.Журавский.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор Групо А.П.

кандидат филологических наук старший научный сотрудник Веронич В.Д.

Ведущая организация -- Гродненский государственный
университет

Защита состоится "15" ноября 1985 г. в 11 часов
на заседании специализированного совета Д 006.15.01 при
Институте языкознания имени Якуба Коласа Академии наук БССР
/220600 г.Минск, ГСП, Академическая, 25/.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной
библиотеке имени Якуба Коласа АН БССР /г.Минск, Ленинский пр., 68/.

Автореферат разослан "14" октября 1985 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

Цихун Г.А.

© Институт языкознания
им.Якуба Коласа АН БССР, 1985

языковые контакты всегда привлекали к себе внимание исследователей. Для историков языка особенно интересными являются переломные моменты в развитии этих контактов, когда один из языков широко принимал в свою структуру элементы другого. Как правило, это могло происходить лишь при взаимодействии генетически близких языков, когда по разным причинам сопротивляемость языка-рецептора была ослаблена. Легко и довольно часто осуществляется взаимовлияние языков на уровне лексики, взаимодействие же в области грамматической структуры обычно затруднено, так как язык очень неохотно идет на усвоение иноязычных форм в своих парадигмах. Одним из немногих случаев, когда такое влияние происходило довольно широко, является взаимодействие белорусского и польского языков в XV—XVIII вв., когда сложились исключительно благоприятные политические, исторические и культурные условия для проникновения полонизмов в старобелорусский письменный язык. Именно результаты морфологического влияния польского языка на старобелорусский письменный язык и стали предметом исследования в диссертационной работе.

Актуальность исследования предопределяется слабой изученностью проблемы белорусско-польских языковых контактов в области морфологии, а также отсутствием приведенных в систему результатов такого контактирования. Большинство работ, посвященных взаимодействию старобелорусского и польского языков, рассматривают вопросы их взаимовлияния в области лексики. Исследований же, в которых бы рассматривались польские морфологические заимствования в старобелорусском письменном языке, фактически нет. В. Сташайтене писала о том, что "... в области белорусского языка вопросы полонистики до настоящего времени освещены совершенно недостаточно. Период насильственного ополчания белорусского народа, началом которого следует считать 1569 г. /акт Люблинской унии/, и последующая эпоха оставили более конкретные историко-лингвистические факты и, может быть, поэтому чаще привлекали внимание языковедов. Между тем древние памятники белорусского языка XV—XVI веков в отношении полонистики не нашли всестороннего научного анализа. Имеются лишь отдельные статьи или замечания по поводу полониз-

мов в белорусском языке¹.

Польский лингвист Т. Ясиńska-Соха, подтверждая высказанную выше мысль, уточняет: "... особенности морфологических заимствований, в общем, до нашего времени не дождалась точного и детального языкового анализа. Между тем анализ этих заимствований в отдельных памятниках письма может служить для более глубокого познания белорусской языковой системы"². Все это и определяет проблему польско-белорусских языковых контактов в области морфологии как одну из наиболее актуальных для современного белорусского исторического языкознания.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования является выявление наиболее полного набора морфологических полонизмов, которые использовались в старобелорусском литературном языке, и определение особенностей их происхождения и распространения в памятниках. Это предполагает решение следующих задач:

а/ выявить в памятниках старобелорусской письменности типы польских грамматических форм /флекси/ и наиболее типичных префиксов/;

б/ отделить морфологические полонизмы от фактов древнерусского, церковнославянского, украинского и белорусского /диалектного/ влияния на литературный язык;

в/ установить особенности распространения морфологических полонизмов в зависимости от времени и места создания письменного памятника, а также протографа и авторства текста /там, где это возможно/;

г/ определить наиболее распространенные формы польского происхождения как на отдельных этапах развития старобелорусского языка, так и в целом за весь рассматриваемый период; а также те памятники, язык которых в наибольшей степени подвергся морфологической полонизации;

д/ отделить собственно польские грамматические формы в

¹ Сташайтене В. О полонизмах в Литовской метрике /книгах судебных дел/. — Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Kalbotyra, 1963, 1. v. 11, psl. 34.

² Jasińska-Socha Teresa. O zapożyczeniach innoślowińskich w starobiałoruskim systemie gramatycznym. — Studia z filologii rosyjskiej, seria Językoznawstwo, 1979, s. 29.

старобелорусских текстах от форм, образованных по польской модели или лишь имевших поддержку со стороны польского языка.

Материал и методика исследования. Решение поставленных задач возможно лишь при наличии большого фактического материала из различных письменных памятников. В связи с этим была проведена сплошная выборка из 50 памятников белорусской письменности XV—XVIII веков. Круг этих источников образуют наиболее значительные старобелорусские тексты, различные по времени и месту создания, авторству и жанру. Особое внимание было обращено на те памятники, которые уже были известны из работ предыдущих исследователей широким использованием в них полонизмов различных языковых уровней. В результате была создана картотека с примерами польских морфологических форм в старобелорусских текстах из 8500 карточек-цитат. Полученный материал был классифицирован по частям речи и другим грамматическим категориям /числу, падежу, роду, характеру основы и т.д./. Отдельные примеры сравнивались с аналогичным польским текстом. При оценке каждой формы проводилось ее сравнение с формами польского языка среднего периода его истории; формами церковнославянского и древнерусского языков; белорусскими и украинскими диалектными формами. Широко использовался материал исследований по морфологии староукраинского письменного языка, так как процесс влияния польского языка на белорусский и украинский языки во многом был тождественным. В оценке форм критически учитывались мнения предыдущих исследователей, определялся характер морфологического влияния /собственно польская форма, образование по польской модели, поддержка польским языком белорусской диалектной или древнерусской формы/.

Научная новизна исследования. В диссертации дается приведенное в систему описание морфологического влияния польского языка на старобелорусский письменный язык. Впервые это делается с охватом довольно широкого круга памятников и протяженного отрезка времени /XV — начало XVIII вв./. До этого подобных специальных исследований результатов морфологического влияния одного языка на другой в восточнославянском языкознании проведено не было. Фундамент настоящему исследованию был положен в статьях А.И. Зуровского "Замечания о польских заимствованиях в языке белорусской письменности XVI и XVII века"¹ и "Польские

¹ Zurawski A.I. Uwagi o pożyczkach polskich w języku piśmiennictwa białoruskiego XVI i XVII wieku. -- Slavia Orientalis, 1961, N 1.

элементы в парадигме глагола старобелорусской письменности¹. В основном же сведения о полонизмах в старобелорусской грамматической системе содержатся в работах, посвященных анализу отдельных памятников белорусской письменности. Чаще всего авторы указывают на польское происхождение форм, другие же лишь констатируют их наличие, не давая им интерпретации и точки зрения происхождения. Причем взгляды ученых на роль польского языка в формировании старобелорусской системы парадигм иногда довольно различны. В данном исследовании морфологические полонизмы старобелорусского языка рассматриваются впервые в связи с подобными явлениями староукраинского языка.

Практическое использование результатов исследования. Полученные в результате исследования данные представляют определенный интерес для лингвистической теории. Работа найдет свое применение при описании детальной морфологической системы старобелорусского языка, при выделении степени устойчивости системы его парадигм. Она является надежным подспорьем для исследователей белорусско-польских языковых контактов в сфере контактов двух славянских языков вообще. Кроме этого, работа может быть использована при исследовании явлений всего украинско-польских языковых контактов в области морфологии. Упомянутый выше материал может найти свое применение и в чтении вузовских спецкурсов по исторической грамматике белорусского языка и истории белорусского литературного языка.

Диссертация отобрана на XXXII научной сессии профессорско-преподавательского состава Витебского государственного педагогического института имени С.М. Кирова в феврале 1981 года.

Структура и содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и списка использованных памятников старобелорусской письменности.

Содержание работы и результаты исследования. Во введении излагается состояние исследуемой проблемы, обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются цели и задачи исследования, указывается на возможные сферы применения полученных результатов, дается краткая историко-лингвистическая справка

¹ Зураўскі А.І. Польскія элементы ў парадыгме дзеясловаў старабеларускай пісьменнасці. -- *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 1981, № 20.

ристика языковой и политической ситуации на территории Белоруссии в XV—XVIII вв.

Первая глава посвящена анализу польских морфологических элементов в системе существительного старобелорусского письменного языка.

В старобелорусских памятниках XV—XVIII веков /особенно интенсивно в первой половине XVII в./ получили распространение формы именительного падежа единственного числа существительных мужского рода с окончанием -а. Еще со времен общеславянского языка во многих современных славянских языках сохраняется некоторое количество существительных мужского рода с этим окончанием, однако количество их не велико и, как правило, сохраняется без изменений. Старобелорусские же памятники имеют значительно больше таких форм по сравнению с древнерусским или современным белорусским языком. Сюда относятся формы типа вылавпа, евангелиста, монарха, поэта, дукимна и др. Падежные окончания от них образовывались по типу существительных женского рода. Такое довольно широкое употребление существительных мужского рода с окончанием -а, вместо обычной и исконной нулевой флексии, легко можно объяснить влиянием польского языка, где и на протяжении его истории, и в современном языке эта флексия являлась и остается нормой литературного языка.

Особенностью родительного падежа единственного числа существительных женского рода, которые в именительном падеже оканчиваются на -ия /типа Грешия, религия, уния/, старобелорусских памятников является их употребление с формантами -ией; -ій; -ий: с королевства Пананией. Более обычны в этой позиции образования типа бестии, элекцей, унеи. В польском же языке окончание -jej употреблялось до конца XVII века, откуда, вероятно, и проникло в старобелорусскую письменность. Вариантом этого окончания, который отмечен в "Хронике Быховца", является окончание -ij:

Очень распространенным окончанием, происхождение которого можно связывать с польским языком, является окончание дательного падежа единственного числа мужского рода -ови/-еви. Наряду с ним отмечается и окончание -у. В памятниках белорусской письменности XV—XVIII вв. есть ряд существительных бывших основ на *ŭ/некоторых на *ŏ/, которые сохранили старое окончание

-ови/-еви, но, видимо, не без поддержки со стороны польского и, может быть, украинского языка: голосови, сынови, идови. Кроме этого большое количество существительных других основ восприняло окончание -ови/-еви, что явилось результатом влияния польского языка на письменный белорусский язык XV -- XVI вв.: неприятелеви, отцови, посланцови, служебни еви.

Для польского языка в винительном падеже единственного числа женского рода твердой основы /и мужского рода с окончанием в именительном падеже -а/ характерна флексия -е. Заимствовать это окончание очень трудно уже по той причине, что белорусский язык не имеет носовых гласных. Единственным памятником, где отмечены окончания такого типа, является "Дневник" Ф.Бялашовского начала XVII в.: уродила ... цорка Райна; кторы ехали в покгонь. Окончание -е могло проникнуть в белорусскую письменность только из польского литературного языка.

Крайне редко в памятниках старобелорусской письменности в устойчивых выражениях можно встретить формы винительного падежа единственного числа мужского и женского родов одушевленных существительных, которые соответствовали формам именительного падежа этих существительных: на свой конь уседль; у перкви святаго Логовоушица; на светий Михаилъ. Аналогичные конструкции отмечаются в древнерусском языке, однако и польский язык сохранял их очень долго, а в отдельных устойчивых выражениях они употребляются до настоящего времени.

Еще одной формой польского происхождения у существительных единственного числа является форма творительного падежа мужского рода основ на твердый согласный с окончанием -ем. Формы с окончанием -ем для мягких основ широко распространены в восточнославянских языках. В польском же языке окончание -ем является единственно возможным для творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода независимо от основы, поэтому можно допустить, что наличие этого окончания в старобелорусской письменности /типа кардиналем, смуткем, тяжакем, днемь/ -- результат польского влияния. Кроме существительных мужского рода, также существительные среднего рода иногда имели после твердой основы окончание -ем: древнем, малженством, поганством, камнем.

Среди форм творительного падежа единственного числа су-

существительных женского рода можно отметить употребление окончания -а, причем только в одном памятнике -- "Дневнике" Ф.Евлашовского. Из славянских языков такое окончание имеется только в польском литературном языке. Очень редко в памятниках белорусской письменности можно отметить формы творительного падежа единственного числа женского и мужского на -а/ родов существительных, когда после твердых основ использовалось окончание -ею.

В предложном падеже единственного числа женского рода у существительных типа элекция очень редко, но все же отмечаются формы с формантом -йэй, что можно объяснить влиянием польского языка.

Сильное влияние со стороны польской морфологии ощутил старобелорусский письменный язык в формах именительного падежа мужского рода множественного числа, где наиболее широко распространенной формой, происхождение которой можно связывать с польским языком, является форма с окончанием ове/-еве. Окончание -owie было и остается нормой польского литературного языка для этой позиции.

Памятники старобелорусской письменности дают ряд примеров, когда у существительных с бывшей основой на *ъ употребляется окончание -ове/-еве, как в формах типа волове. домове. сынове. что можно считать сохранением старой формы /при поддержке со стороны польского языка/.

Вместе с тем, как и в польском языке, отмечается большая группа существительных с основами на *ѡ или *јѡ, которые также употреблялись в именительном падеже множественного числа мужского рода с окончанием -ове/-еве: ангелове. баранове. жилове. кедрове. мистрове. панове. фризове. В современных белорусских говорах такие формы отсутствуют.

В белорусской письменности второй половины XVI--XVII вв. значительно распространились в произведениях светских и религиозных жанров существительные на -и именительного падежа множественного числа мужского рода с основами на твердые согласные. У основ, которые оканчивались на -к, произошло чередование и возникли формы на -цц/-цц. Распространению таких флексий, видимо, способствовали соответствующие формы на -су польского языка, которые были обычными уже в самых ранних польских

письменных памятниках. Белорусские говоры образований типа еретици, латинници, писменници не знают, что дает нам основание считать формы на -ци/цы полонизмами, хотя в более ранних памятниках /XV — начала XVI вв./ такие формы лучше рассматривать как результат сохранения древнерусских традиций.

У небольшой группы существительных сохранилось в памятниках польское окончание -и после твердой основы в именительном падеже множественного числа мужского рода, которое являлось типичной формой для одушевленных существительных польского языка, типа беси, епископи, хлопи. Современному белорусскому языку такие формы неизвестны, а в польском языке противопоставление личных и неличных форм мужского рода существительных твердой разновидности сохраняется до нашего времени.

Еще одной особенностью форм именительного падежа множественного числа мужского рода существительных /а также небольшой группы существительных женского рода и *pluralia tantum* 'люди'/ в старобелорусском письменном языке является наличие окончания -е: дожче, земле, люде, пролавце, роже, товарише, фортеле. Следует подчеркнуть соответствие употребления этой формы нормам употребления окончания -е в именительном падеже множественного числа мужского рода польского языка. Но не исключена возможность и диалектного влияния, так как в юго-западном диалекте белорусского языка возможны /но лишь под ударением/ формы нажэ, грыбэ, каравэ.

В родительном падеже множественного числа существительных мужского рода, которые обычно являлись топонимами, иногда находим нулевые окончания по образцу польского языка: утекль до Немец; забрался до Прус. Современный литературный польский язык сохранил их только в виде отдельных реликтов, к которым относятся и группа существительных, являющихся названиями народов и территорий, на которых они живут.

Обращает на себя внимание окончание -ем после твердой и отвердевшей основы в дательном падеже множественного числа существительных мужского рода: ванцалем, кацерамь, отцемь, дитерем и др. Если для более ранних памятников старобелорусской письменности в таких формах можно допустить сохранение старых письменных традиций /с мягкими шипящими, р и ц/, то в основной массе текстов /конец XVI — начало XVII вв./ здесь лучше пред-

положить влияние польского языка, в котором окончание *-em* являлось исконным и сохранялось до начала ХУП века. Современный белорусский язык таких форм не имеет. Окончание *-em* в этих формах вышло из употребления и в польском литературном языке, где единственной флексией осталась *-om* независимо от качества основы.

Как и именительный падеж множественного числа существительных, винительный падеж также имеет небольшое количество случаев, когда использовалось окончание *-e*: жолнерэ на них пв-стид: розвязаши ему руце: почал люде свои уводить.

В некоторых памятниках старобелорусской письменности можно отметить формы творительного падежа множественного числа существительных мужского и среднего родов, которые совпадают по своим флексиям с именительным падежом множественного числа этих существительных. Как известно, такое явление было характерно для древнерусского языка, затем с развитием белорусского языка оно было утрачено, сейчас мы имеем формы с окончаниями *-амі; -ьмі*. Если в памятниках ХУ — начала ХУІ вв. такие формы лучше рассматривать как примеры сохранения древних традиций, то в более поздних текстах следует допустить поддержку со стороны польского языка: прішоць посоль з листн: послаць их за проповедники.

Нельзя исключать и возможность поддержки польским языком таких форм предложного падежа множественного числа существительных мужского и женского рода, которые имели окончание *-ох* и представляли собой продолжение древнерусских флексий: в наметах, о светкох, у шатрох. Однако следует отметить, что и возможность диалектного влияния здесь достаточно велика, так как подобные формы на *-ох* довольно широко распространены в белорусских говорах. В польском литературном языке это окончание также не сохранилось, а было заменено окончанием *-ach* или *-ech*.

В некоторых случаях отмечается и ограниченное использование флексии *-ех* в предложном падеже множественного числа мужского рода после твердых основ, что соотносится с польским языком, где такая флексия является языковой нормой: на промеларех, в наметах, в шатах. Современные белорусские говоры форм предложного падежа множественного числа с окончанием *-ех* после твердых основ не знают.

Кроме выше отмеченных полонизмов непосредственно в склонении существительных старобелорусского литературного языка, можно отметить еще некоторые явления, которые косвенно сыграли определенную роль в формировании морфологической системы старобелорусской письменности.

Ряд существительных имели иной грамматический род, чем в современном белорусском языке. Как правило, род таких существительных совпадал с родом соответствующих существительных польского языка: облак /м.р./, твар /ж.р./, пель /м.р./, ямарк /м.р./ и др. Намного шире, чем в древнерусском языке, в старобелорусских текстах отмечаются субстантивированные прилагательные, которые часто являются лексическими заимствованиями из польского языка.

В отдельных случаях сохранились особенности латинской системы склонения. Существительные типа символюм, спектрум, театрум в единственном числе не склонялись, а во множественном имели окончание -а: акта, пекрета, факта. Необходимо подчеркнуть посредничество польского языка в их передаче и закреплении в старобелорусской грамматической системе.

Довольно часто памятники старобелорусской письменности имели существительные, у которых отсутствовал так называемый 1-эпентетикум: эбавене, земя, наступене, постановенье. Формы без вставного -1- являются характерными для польского языка, что и проливает свет на генезис их в старобелорусских текстах.

Во второй главе анализируются морфологические полонизмы в системах склонения прилагательного, местоимения и числительного, а также некоторые особенности наречий старобелорусского письменного языка. Польские морфологические элементы в формах прилагательного, местоимения, числительного и наречия старобелорусского литературного языка встречаются сравнительно редко и в относительно небольшом количестве памятников.

В парадигме прилагательных единственного числа старобелорусского письменного языка отмечается форма именительного падежа женского рода с окончанием -а/-я вместо более обычной с -ая/-яя. Внешне такая форма похожа на древнерусские краткие прилагательные. Однако особенности ее распространения в письменных памятниках, а именно интенсивное употребление в конце XVI -- XVII вв., говорят о том, что, скорее всего, это результат разви-

ты внутренних фонетических процессов белорусских говоров или же влияния польского языка. Нужно отметить, что формы кратких прилагательных мужского и среднего рода в рассмотренных нами памятниках встречаются значительно реже, чем женского. Для современных белорусских говоров совсем не характерно употребление кратких прилагательных, иногда они встречаются лишь в устойчивых оборотах у качественных прилагательных.

В памятниках старобелорусской письменности такие формы распространены довольно широко, причем, как правило, в тех произведениях, которые ощутили на себе польское влияние и в других морфологических формах: парсуна чововеческа, невьста стара, реч посполита, рада лепша. В этих примерах правильнее будет видеть не древние краткие прилагательные, а, скорее, более поздние стянутые формы. В польском языке подобные формы с окончанием -а являлись и являются нормой литературного языка.

Менее распространены были стянутые формы прилагательных единственного числа среднего рода типа места здорье, яблочко золоте, поветре мороза.

Ярким примером польского влияния на систему форм прилагательного старобелорусского письменного языка могут служить формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, которые после твердой основы имели окончание -его: здрожного, здостного, даскавего, светего, смачного. Окончание -его в этой позиции было обычным у прилагательных белорусского языка мягкой основы, в польском же языке это окончание является единственно возможным независимо от основы.

Другим не менее характерным примером влияния польского языка на грамматическую систему старобелорусской письменности является форма прилагательного родительного падежа единственного числа женского рода с окончанием -ей после твердой основы: милостивей матки, речи доконалей, речи посполитей. В белорусских говорах юго-западного диалекта очень редко и только под ударением отмечены случаи употребления родительного падежа единственного числа прилагательных женского рода с твердой основой и окончанием -ей, однако это не дает нам еще права рассматривать данную форму в истории белорусского литературного языка лишь как диалектизм.

Подобно родительному падежу, дательный падеж единственно-

го числа прилагательных женского рода с твердой основой также иногда имел окончание -ей, характерное для основ на мягкий согласный: милостивей матухне, матце нерозумней, преблагословенней дэве. На распространение этого окончания в памятниках старобелорусской письменности могли оказать влияние как церковнославянский, так и польский язык; кроме того, окончание -ей под ударением отмечено в некоторых говорах юго-запада Белоруссии.

Особенностью дательного падежа прилагательных мужского и среднего родов единственного числа является также окончание -ему после твердой основы: заплата подкоморэму, неслушному ладовати, велкему монарше. Источником этого окончания в старобелорусской письменности нужно считать польский язык.

Только в таком сильно полонизированном памятнике, как "Дневник" Ф.Евлашовского, имеется несколько случаев употребления винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода с типично польским окончанием -а: зналисмь велка милост, впадлем у велка хоробэ.

Винительный падеж единственного числа прилагательных мужского и среднего рода также ощутил на себе некоторое влияние форм польского языка, в результате чего иногда он стал употребляться с окончанием -его после твердых основ: уважаючи бога, вшехмоггонцего, неприятеля всегосветного звитяжила. Как и выше рассмотренные формы на -его после твердых основ прилагательных родительного падежа, формы винительного падежа тоже распространились не без поддержки польского языка.

В некоторых памятниках старобелорусского языка винительный падеж единственного числа прилагательных женского рода имел окончание -у вместо более распространенного -ую/-юу. Такие формы можно рассматривать в качестве кратких прилагательных или допускать влияние некоторых белорусских говоров, но, скорее всего, здесь имела место аналогия с нормами польского языка, тем более, что основная часть таких форм отмечена в "дневнике" Ф.Евлашовского.

Прилагательные винительного падежа единственного числа среднего рода старобелорусского письменного языка в некоторых случаях имели окончание -е вместо более обычного -ое: меди за месте нечисто, часидельне и црквяте.

Примечание: также прилагательных единственного числа женского

имел несколько форм, возникших, вероятно, под влиянием польского языка. Прилагательные женского рода, например, иногда выступали с окончанием -ей после твердой основы, типа держит у левой руке. Подобные образования характерны для польского языка, современные белорусские говоры и литературный язык таких форм не знают.

Заслуживает внимания предложный падеж единственного числа всех трех родов притяжательных прилагательных с окончанием -е, которое соответствует современному белорусскому -ым /для мужского и среднего рода/ и -ай /для женского/: о сыне Утенусове, о жоне Брутове. Происходят такие формы от старых именных прилагательных, которые довольно рано были вытеснены местоименными формами. В польском языке прилагательные этого типа были живым явлением до XVI ст., а затем начали заменяться местоименными. Не исключена возможность сохранения во всех случаях старых окончаний древнерусского языка.

Система прилагательного старобелорусского языка знает также формы предложного падежа единственного числа мужского и среднего родов с основами на твердый согласный, где употребляется окончание -ем. В польском языке это окончание является господствующим с XVI ст., хотя теперь на особенности его употребления и влияет окончание -ум творительного падежа.

Несколько особенностей отмечено и у прилагательных множественного числа. В именительном падеже многие прилагательные оканчивались на -е, что не характерно для белорусского языка, но является нормой для польского: болванске бискупы, роже сухе, лживе справы. Некоторые прилагательные в именительном и винительном падеже множественного числа имели стянутые окончания -н/-и: здрави, железн, палмовн.

Иногда стянутые окончания проникали и в винительный падеж прилагательных множественного числа, который подобно именительному имел тогда окончание -е: выберите муже силне и дуже.

Но все же наиболее распространенным полонизмом в системе прилагательного старобелорусского литературного языка является форма превосходной степени сравнения, образованная при помощи приставки на- вместо обычной най-: намилейша, намонейши, назлосливши. Как для старославянского, так и для древнерусского языка в таких случаях была характерна приставка наи-. В поль-

ском же языке средних веков и еще в XVI ст. господствовавшие были первоначальные формы на-, и только в XVII в. начинают распространяться образования с приставкой наj-. Современный белорусский язык для образования превосходной степени сравнения использует лишь приставку най-.

В некоторых случаях и система местоимения старобелорусского письменного языка ощутила на себе влияние польской морфологической структуры. Наиболее часты примеры польского влияния в формах личных местоимений. В части произведений старобелорусской письменности в родительном падеже местоимение она вместо обычной формы ее имело форму она: не хотел отговоритися он. В польском языке подобные формы были частыми уже в самых древних письменных памятниках.

В морфологической системе местоимения старобелорусского письменного языка выделяются также краткие формы личных местоимений ме, ми, ти, му, го, на въ. Как известно, в славянских языках долгое время краткие /энклитические/ местоимения существовали параллельно с полными, но постепенно в большинстве языков, в том числе и в белорусском, они были утрачены. Распространение кратких местоимений в старобелорусской письменности XVI — XVII вв. трудно объяснить только традицией или церковнославянским влиянием, тем более, что некоторые формы не имеют соответствий в древнерусском языке. Краткие местоимения известны и истории польского языка, где некоторые из них являются литературной нормой до нашего времени.

Как и прилагательные, некоторые местоимения имеют краткую форму в именительном падеже единственного числа женского рода с окончанием -а, вместо -ая: шелка, жална, ктога.

Кроме этого, местоимения множественного числа именительного и винительного падежей имеют, хотя и редко, краткие формы с окончанием -е, -и: инше, ктоды, таке. Местоимения родительного и винительного падежей мужского и среднего рода единственного числа иногда вместо обычного после твердой основы окончания -ого имеют окончание -его: каждого, которого, якегось.

Притяжательные местоимения моя и указательное та в родительном и предложном падежах могли иметь форму май, тай. Следует отметить, что местоимение тай отмечено и в белорус-

ских говорах.

Польское влияние ощутили на себе и формы косвенных падежей притяжательных местоимений свой и твой, которые приобрели стянутые формы: своего, твоему, твоею. Соответствующие стянутые формы употребляются в качестве нормы в современном польском языке.

Некоторые местоимения, как и соответствующие прилагательные, в родительном, дательном и предложном падежах после основ на твердый согласный вместо обычного окончания -ой имели окончание -ей, характерное для форм польского языка: к тебе, о которой.

Система числительного старобелорусского письменного языка не отличается большим разнообразием форм, но и она в некоторых случаях ощутила на себе влияние польского языка. Как правило, такие формы были характерны лишь для отдельных памятников старобелорусской письменности.

Дательный, творительный и предложный падежи от числительного один /один/ и четыре иногда после твердой основы имели окончание -ем, что характерно для польского языка, типа в одномь.

У числительных от 11 до 19 формы в отдельных памятниках могли образовываться при помощи польского суффикса -сте: дванасте, пятнасте. Другая группа числительных от 20 до 90 также попала под влияние польского языка, в результате чего появились формы двадестя, тридестя.

В склонении собирательных числительных можно отметить формы с суффиксом -г-, которого ни современный белорусский литературный язык, ни белорусские говоры не знают: двойга, осмерга, тройга.

Особенностью наречий старобелорусского письменного языка является то, что часто вместо суффикса -о- использовался суффикс -е-, более характерный для польского языка: группе, зде, хутливе. Превосходная степень сравнения наречий, как и превосходная степень сравнения прилагательных, довольно часто образовывалась с помощью приставки на-: напервей, наборздей, начастей.

В третьей главе рассматриваются морфологические полонизмы в системе глагола старобелорусской письменности. Система форм

глагола занимает особое место в исторической грамматике старобелорусского языка. Она отличается большим разнообразием форм, прежде всего в парадигмах прошедшего времени. Рассматриваемый нами период XV — XVIII вв. как раз и характеризуется коренной логкой старой системы спряжения, в результате чего возникли и закрепились новые особенности формоизменения этой части речи.

В I лице единственного числа перфекта наряду с обычными формами типа *есми несь* часто встречаются образования, в которых глагольная связка выступает в виде элемента *-сьмь*, прикрепленного к причастию на *-ль*: былемь, писалемь, ходилиемь. Иногда связочный элемент имел и форму *-омь*, хотя и значительно реже, чем *-емь*: быдомь, зголоднеломь, прагнуломь.

В белорусском переводе Библии начала XVII века подобные формы также многочисленны, но в этом памятнике есть и своя особенность, так как связочный элемент выступает не только в форме *-емь*, но и *-есмь* / *-есмь*/: важилесмь, вэнвалесмь, поживалесмь.

Для форм перфекта женского рода связочный элемент выступал в виде *-мь*, что объясняется, скорее всего, фонетическими причинами: виделамь, осужаламь, слышаламь. Связочный элемент перфекта, как и в польском языке, мог прикрепиться не только к причастию на *-ль*, но и к другим словам в предложении.

Во 2 лице единственного числа перфекта также обнаруживается целая группа форм, которые были образованы под воздействием польского языка. Прежде всего следует отметить формы, в которых глагол-связка выступает в виде *естесь*: естесь вышкыд, естесь не овнайид, естесь выхад. В дальнейшем связка *естесь* претерпела изменения. В некоторых памятниках она стала употребляться в форме *есь*. Связка *есь* встречается в текстах старобелорусского языка с середины XVI по середину XVII вв.: роздереть есь шаты свои.

В старобелорусской письменности, как и в польском языке, появились синтетические формы, которые совмещали в себе причастие на *-ль* и глагол-связку: забилесь, оказалесь, вдихалесь. Связочный элемент *-есь* употреблялся не только с причастиями на *-ль*, но прикреплялся и к другим частям речи. Кроме того, связочный элемент перфекта 2 лица единственного числа мог употребляться и в форме *-сь* / *-сь*/: тись ей не нашоль.

В памятниках старобелорусского языка довольно часто

Тригол-связка во глаголе в I лице множественного числа перфекта в форме -смы: воинилисмы, речеилисмы, тисцелисмы. Как и в выше рассмотренных формах перфекта, элемент -смы был подвижен и мог прикрепляться и к другим словам в предложении: тогосмы знати не могли. Особенно часто такие формы встречаются в переводах с польского языка или же в текстах, которые вообще ощутили сильное польское влияние. Наличие же их в других памятниках старобелорусского языка свидетельствует о сильной тенденции к их распространению в XVI — XVII вв.

Значительно реже в этой позиции можно встретить связочный элемент -хмы, который также имеет непосредственное соответствие в польском языке. Первые случаи его употребления фиксируются в текстах с середины XVI века, но особенно широко он распространился в памятниках конца XVI — XVII вв.: богъ лжей нас карает нижехмы заслужили.

Кроме выше рассмотренных форм I лица множественного числа перфекта, отмечен также и элемент -смо. В польском языке такой элемент отсутствует, поэтому образованные с его помощью формы перфекта лучше считать не полонизмами, а лишь формами, выполненными по модели польского языка: взялисмо, оставилисмо, пошлисмо. Довольно редко в этой позиции отмечается и связочный элемент -хмо: виделихмо, напоминалихмо, приточилихмо.

Во 2 лице множественного числа перфекта можно встретить формы, образованные от смыслового глагола и прикрепленного к нему связочного элемента -сте: далисте, зналисте, напоилисте.

В отличие от глагольной связки быть причастие на -ль на протяжении рассматриваемого периода истории белорусского языка значительных изменений не претерпело. Однако следует отметить, что в белорусских текстах XV — XVII вв. имеются многочисленные случаи сохранения суффикса -ль после согласного в формах мужского рода единственного числа. В памятниках XV — XVI вв. их, скорее всего, можно объяснить традицией древнерусского письма, а в более поздних памятниках — польским влиянием: звукль, облеглъ, росль. Никаких реликтов данных форм в современном белорусском языке не сохранилось.

Интерес представляют также формы 3 лица множественного числа глаголов прошедшего времени, которые вместо обычного окончания -и имеют окончание -н: выливали, оборочали, розделили.

Наиболее характерны они для белорусского перевода "Евангелия" Калиста 1616 г. и для "Казанья на честный погреб..." М.Смотрицкого 1620г. Как известно, данная особенность - характерная черта украинского языка, тем более, что эти памятники не лишены украинизмов и на других языковых уровнях. Однако нужно обратить внимание на тот факт, что окончание -и посылается лишь в тех случаях, когда речь идет о существительных немужского рода, то есть здесь играет роль известная категория *szczęśliwości* и *nieszczęśliwości* польского языка: богатство и слава ... якъ выникли, такъ вхило и згасло.

Система форм настоящего времени старобелорусского глагола также ощутила на себе довольно интенсивное польское влияние. Из форм I лица единственного числа глаголов настоящего времени следует отметить формы с окончанием -мь: мнимам, пыгам, чекам. Формы такого типа были характерны для нетематических глаголов старославянского и древнерусского языков. Появление же окончания -мь у глаголов тематических следует считать результатом влияния польского языка.

Очень широко представлена в старобелорусской письменности форма естемь от глагола быть в I лице единственного числа настоящего времени. Она встречается гораздо чаще, чем в составе перфекта в качестве глагола-связки. Для Библии начала ХУП ст. характерна также форма естесмь, которая появилась в результате контаминации связки 3 лица единственного числа есть и I лица единственного числа есмь. "Евангелие" В.Тяпинского около 1530 г. имеет форму естемь для I лица единственного числа, что можно считать случаем образования формы по модели польского языка.

Примером собственно польского влияния является форма I лица единственного числа настоящего времени с окончанием -е, соответствующем польскому -ę: веде, зоставуе, зиче. Отмечены такие формы только в "дневнике" Ф.Блашовского.

Среди форм 2 лица единственного числа глаголов настоящего времени следует прежде всего отметить форму нємаць/нїмаць со значением нет.

Образования этого типа были широко распространены в польском языке. Форма машь в памятниках белорусской письменности ХУ — ХУП вв. — явление крайне редкое, как, впрочем, и другие

подобные формы нечетметических глаголов. Поэтому можно предположить, что форма нимаць/нимаць была заимствована уже в готовом виде из польской письменности, а не возникла на собственно белорусской языковой почве.

Другой польской чертой у глаголов 2 лица единственного числа настоящего времени можно назвать форму естесь от глагола быть. В формах же 3 лица единственного числа глаголов настоящего времени обращает на себя внимание форма есть вместо обычной есть. В отдельных случаях она закрепились в белорусских говорах. Всего несколько раз в 3 лице единственного числа настоящего времени встретилась форма вѣ, причем только в произведениях Познанского сборника конца XVI в.

довольно редким для старобелорусской морфологической системы явлением выступают формы глаголов I спряжения 3 лица единственного числа настоящего времени без конечного форманта -еть: ми не подоба; вступиль, повела. Христось: там мешка. Лишь для "Псалтыри XVI в." такие формы являются довольно обычными. В отдельных памятниках и глаголы II спряжения в 3 лице единственного числа настоящего времени имеют формы без конечного -ть: лежи, мови, муси.

Как и в других лицах глаголов настоящего времени, в I лице множественного числа от глагола быть часто употреблялась польская форма естесьми/естесми/естесмо/естехми. Довольно обычным явлением для белорусского письменного языка XV — XVIII вв. была форма I лица множественного числа настоящего времени с окончанием -мы вместо обычного -мь: выдаваемы, можемь, устанавливаемь.

Памятники белорусского письма в некоторых случаях во 2 лице множественного числа глагола быть настоящего времени имеют форму естесте, характерную для польского языка.

Формы глаголов будущего времени в памятниках белорусской письменности не отличаются особым разнообразием и в основном совпадают с современными белорусскими формами. Можно лишь отметить формы будущего простого времени с окончанием -мь в I лице единственного числа /в основном от глагола поведати и однокоренных с ним -- повемь/; формы будущего простого времени от глагола поведати и однокоренных с ним во 2 лице единственного числа: повешь, отповешь; формы будущего простого времени с

окончанием -мы в I лице множественного числа: пошдимы, почекаймн, учинимн.

Но главной особенностью категории будущего времени является наличие форм II сложного будущего времени. Более ранние такие формы /XV — XVI вв./ типа буду читаль следует объяснять традицией древнерусского письма, в памятниках же XVII и начала XVIII вв. — это результат влияния польского языка.

В системе повелительного наклонения старобелорусского глагола наряду с собственно белорусскими и восточнославянскими формами, встретилось несколько примеров, в которых можно допустить польское влияние: использование большой частицы нехъ, типа нех му то отла; у глаголов I лица множественного числа в некоторых памятниках используется окончание -мы: поидимн, упойимн, пучкаймн. Часть форм старобелорусского письменного языка в повелительном наклонении утратила конечное -и и стала оканчиваться сбегом согласных, что для белорусского языка совсем не характерно: воиттъ, вытрнть, помисль.

Польское влияние на формы сослагательного наклонения глагола старобелорусского письменного языка выразилось в изменении глагола-связки: в I лице единственного числа на бымъ; в I лице множественного числа на быхмо. Еще одной особенностью старобелорусского глагола является употребление страдательных и возвратных форм глагола с подвижной частицей -ся: так се леядо. Подобные конструкции характерны для польского языка.

Интерес представляют и некоторые формы причастий старобелорусского языка. Прежде всего это своеобразные безличные причастия на -но; -то, которые широко использовались в старобелорусских текстах: держано, доложено, забито, стито. Группа страдательных причастий старобелорусского языка в некоторых случаях употреблялась с окончанием -и вместо -ы после твердой основы: названи, посоромочени, подани, сотвоени.

Отмечены также формы глаголов без 1-эпентетикум: намовд, отновял, постановеннх, справеное. Такие формы характерны для польского языка.

В заключении подводятся итоги исследования. Памятники XV в. не отличаются широким распространением полонизмов морфологического характера. Среди них мы можем указать лишь на такие связанные с польским языком формы, как форма на -оье/

-еве именительного падежа множественного числа мужского рода существительных; форма глагола 3 лица единственного числа мужского рода прошедшего времени с суффиксом -ль после согласного; формы на -ци в именительном падеже множественного числа мужского рода существительных; формы творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода с окончанием -ем после твердой основы; формы дательного падежа мужского рода единственного числа существительных с окончанием -ови/-еви; формы II сложного будущего времени. Чрезвычайно редки польские элементы в парадигмах прилагательного, местоимения и числительного. Все эти формы могли сохраняться как благодаря подценке польского языка, так и вследствие ориентации авторов на древнерусские письменные традиции.

Из памятников XV в. наиболее полонизированными оказались "Новость о трех королях-волхвах" и "Страсти Христовы", значительно меньше полонизмов морфологического характера в Уваровской и Никифоровской летописях и в "Житии Алексея, человека божьего".

В XVI в. и количество полонизмов в памятниках старообрюсской письменности, и их разнообразие значительно возрастает. Из форм, незафиксированных в текстах XV в., но которые появились в XVI в., отметим: формы винительного падежа множественного числа мужского рода существительных с окончанием -и после твердой основы; распространение форм без 1-эпентетикум; формы прилагательных дательного падежа единственного числа мужского и среднего рода с окончанием -ему после твердой основы; значительное распространение форм с окончанием -его после твердой основы в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода прилагательных; некоторые формы кратких местоимений /му, ко, ме/; формы 3 лица единственного числа мужского рода настоящего времени глаголов без конечного -еть/-ить/; многочисленные перфектные формы со связочными элементами.

Из памятников XVI в. наиболее полонизированными оказались: "Знокрисис альбо отповедь на книжки ...", Псалтырь XVI в., "Новость о Тристане", "Описание и оборона собору русскому безрестав...". Очень редко можно встретить полонизмы морфологического характера в летописях и в "Способе прав трибуналь...". Четко прослеживается тенденция к увеличению количества

полонизмов к концу века.

По сравнению с XVI в. в XVII в. отмечаются такие новые формы, возникшие под влиянием польского языка, как формы с носогласными, характерные для "Дневника" Ф.Евляшовского; некоторые формы существительных, заимствованные из латинского языка через польский, которые сохраняли особенности латинских окончаний; формы некоторых кратких местоимений /му, кто/; форма еи родительного падежа единственного числа женского рода от местоимения она; форма перфекта 3 лица единственного числа женского рода со связочным элементом -мь; формы повелительного наклонения с частицей нехъ.

Сильной степенью морфологической полонизации в XVII в. отличаются такие памятники, как "Дневник" Ф.Евляшовского; "Хроника" М.Бельского, "Библиейские книги" начала XVII в., "Хроника" М.Стрийковского. Очень редко такие формы можно встретить в "Письме к Обуховичу", в Патриаршей летописи, в "Троянской истории" и "Римском летописце".

В заключении также приведены данные о наиболее распространенных полонизмах за весь период старобелорусского языка, а также наиболее полонизированные в отношении морфологии памятники. Показан статистически рост степени полонизации языка памятников от XV до начала XVIII вв. Рассмотрен уровень полонизации отдельных частей речи старобелорусского языка.

Кроме этого, в заключении все рассмотренные в главах полонизмы разделены по типам:

- а/ собственно польские формы;
- б/ формы, не заимствованные из польского языка, а лишь образованные по его модели;
- в/ формы, источником которых может быть и древнерусский, и польский язык.

В диссертации отмечено, что заметной зависимости между жанром произведения и степенью морфологической полонизации обнаружить не удалось. Некоторое влияние на язык памятника оказывал его протограф /особенно польский/, но этот фактор не следует преувеличивать. Тексты, написанные на западе Белоруссии, содержат в себе обычно большее количество морфологических полонизмов, однако имеются и исключения.

Все же, несмотря на довольно многочисленные случаи употре-

бления польских флексий в памятниках старобелорусского письма, основой литературного языка этого периода были собственно белорусские формы, развившиеся из древнерусского языка. Они сохранялись в народных говорах, на их основе возник новый белорусский литературный язык. Польские же морфологические элементы исчезли вместе с исчезновением в начале XVIII в. письменности на старобелорусском литературном языке.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Польские элементы в системе склонения существительных в старобелорусском языке. — Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1983, № 6, с. 97—103 /на белорусском языке/;

2. Морфологические элементы польского языка в системе глагола старобелорусской письменности. — Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1984, № 3, с. 104—110 /на белорусском языке/;

3. К вопросу о польском морфологическом влиянии на язык белорусской письменности XV — XVII вв. — Беларуская дзягістыка, 1984, вып. 25, с. 33—39 /на белорусском языке/.

